

БИБЛИОТЕЧКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР

В. МИХАЙЛОВ

**ПОКОНЧИТЬ
С ОСТАТКАМИ
ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В ЕВРОПЕ**

ЕВРОПЕ

**ПОКОНЧИТЬ
С ОСТАТКАМИ
ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В ЕВРОПЕ -**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Москва • 1962

32И
М69

Редколлегия серии:
Н. Н. ИНОЗЕМЦЕВ, В. Г. КОРИОНОВ,
М. А. ХАРЛАМОВ

Представьте себе картину: город подвергся разрушительному землетрясению. Неимоверными усилиями жители восстановили город, воздвигли дома, корпуса заводов. Но вот странно, хозяева города не позаботились о том, чтобы убрать развалины с улиц. Горы щебня преграждают путь, жители соседних домов не могут встретиться, говорить о заботах дня, своих планах.

Фантастика? В условиях города такую картину действительно представить невозможно. Но посмотрите на Европу. Шесть лет невиданный военный ураган сотрясал эту часть континента, нанес ей неисчислимые раны. Семнадцать лет спустя, когда народы уже восстановили свои страны, центр Европы остался заваленным обломками минувшей войны. Они, как это ни парадоксально, мешают и в век космоса общению народов.

В истории международных отношений не найти столь противоестественного положения, когда семнадцать лет после окончания войны не был бы заключен мирный договор. Если после ссоры зачинщику ее протягивают руку, а он не берет ее, значит, он затаил недоброе. Так было и будет в отношениях между людьми. Так было и будет в отношениях между государствами. Подозрения перерастают в уверенность, когда видишь, как те, кто вызвал военный ураган, ворошат оставшиеся очаги и вновь подбрасывают в них горячее.

Нелегко было советскому народу первому протянуть руку мира. Но он не был бы советским, если бы не поступил так. Мир написан Октябрем на наших знаменах, его мы храним в наших сердцах, чувство мести чуждо социалистической державе. Превозмогая мучительную

боль от нанесенных фашистской Германией ран, Советский Союз во имя нашего и грядущих поколений сразу после войны помог становлению на немецкой земле сил мира и прогресса. С первого и по сей день Советский Союз оставался верен разработанным еще в годы военных испытаний союзническим соглашениям о превращении всей Германии в страну мира и демократии.

Отступничество западных союзников по антигитлеровской коалиции от согласованных решений, возвращение их на старый, порочный путь поощрения сил германского милитаризма породили в первые же годы после войны напряженную обстановку. Ныне процесс скатывания к войне в Западной Германии принял угрожающие формы. В западногерманском государстве, созданном в горячке «холодной войны», готовятся планы агрессии, звучат призывы к «походу на Восток». Поддерживаемые авантюристическими кругами других западных держав, руководители боннской республики открыто выступают с реваншистскими требованиями к странам, подвергшимся нападению гитлеровской Германии.

Решительная, последовательная борьба Советского государства за ликвидацию остатков минувшей войны и за предотвращение новой ныне стала делом народов Европы, всего мира.

«Крупнейшее значение для сохранения и укрепления мира,— заявил Н. С. Хрущев в отчетном докладе Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду КПСС,— имеет *проблема ликвидации остатков второй мировой войны*. Нельзя мириться с тем, что шестнадцать лет спустя после победы над гитлеровскими захватчиками все еще не завершено мирное урегулирование с Германией. Эта непростительная затяжка целиком лежит на ответственности западных держав во главе с США. Пренебрегая интересами народа, они сразу же после окончания войны взяли курс на возрождение германского милитаризма».

Вопрос о заключении германского мирного договора и нормализации на его основе положения в Западном Берлине вступил сейчас в решающую фазу. Дело за западными державами — захотят ли они совместно решать этот жгучий вопрос современности, или все миролюбивые страны будут вынуждены действовать самостоятельно, пока еще не поздно.

Автору этой книги довелось с первых дней после победы быть в поверженном Берлине, радоваться успехам демократического строительства на востоке Германии, быть свидетелем раскола страны и первых шагов западногерманских империалистических сил по старой, протоптанной дорожке. Многие факты, которые приводятся в брошюре, окрашены личными впечатлениями автора, который надеется, что они помогут читателю разобраться в причинах напряженности в центре Европы.

ПОДКОП ПОД РЕШЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПОТСДАМЕ

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Вдали светлячками замерцали огни фар тракторной колонны. Темнота уже не была такой унылой, беспроектной. Светлячки-огоньки согревали, зажигали радостью. Это приближалась колонна первых тракторов, собранных немецкими рабочими после войны, один из тех отрядов, что начал коренную перепашку немецкой земли на востоке Германии.

Лучи фар прыгают по грудам развалин, проходят по обезображенной, как лицо с сорванной кожей, стене и замирают. Тракторы выстраиваются полукругом. Головной выезжает в центр. На нем в перекрещивающихся лучах света — юноша. Его лицо возбуждено, он говорит:

— Я счастлив. Мы ведем первые трактора. Мы перевернем нашу землю — на ней не взойдут больше сорняки прошлого. Нам, молодым, не нужно будет больше братья за штурвалы танков.

Взрели моторы, и колонна двинулась дальше. И разве не символично, что этот короткий импровизированный митинг строителей новой Германии состоялся в 1948 г. именно в Потсдаме, городе, где были подписаны документы об искоренении на немецкой земле духа и плоти войны. Немецкий юноша был счастлив: в его руках был штурвал трактора, а не танка. Немец давал клятву не браться за оружие. Он не знал тогда о том, что готовилось на Рейне.

...Почти в это же время к небольшому прирейнскому городку подъезжала автомашина. В ней сидело двое — Аденауэр и Эльфис. Оба из одной партии, вместе с другими буржуазными деятелями они были основателями

Христианско-демократического союза (ХДС) ¹. В первые послевоенные годы Эльфис горячо верил в возможность либеральных преобразований в стране, в построение антимилитаристской Германии. Но после этой встречи с Аденауэром надеждам пришел конец.

Двенадцать лет спустя Вильгельм Эльфис в Мюнхен-Гладбахе, где он поселился после разрыва с Аденауэром, рассказал автору этих строк о знаменательной беседе с Конрадом Аденауэром 2 января 1948 года.

«То было время больших надежд,—говорил Эльфис.—Мы беседовали о восстановлении, о планах преобразования жизни на немецкой земле. Внезапно Аденауэр ошеломил меня вопросом:

— Господин Эльфис, что бы вы ответили, если бы вам поставили вопрос: что вы думаете о возможности войны против России?

— Войны? Зачем? — удивился я.

— Чтобы немного оттеснить этих русских на восток,—пояснил Аденауэр.

— Как вы можете думать об этом, Аденауэр?! — ошеломленный, воскликнул я.— Вообще, как можно сейчас говорить о войне? Я заклинаю вас бросить эти мысли!

Этот разговор «о возможности войны против России» через два с половиной года после катастрофы 1945 года,—рассказывал Эльфис,—настолько потряс меня, что я решил обратиться к Аденауэру с письмом и потребовать ответа. Но Аденауэр молчал. Молчал и действовал.

Так уже в самом начале 1948 года нынешние правители Западной Германии вынашивали идею новой войны. «Оттеснить русских», иначе говоря, представить страны, вставшие на путь строительства социализма, «жертвами советской агрессии», которые «следует освободить»,—этот план был не нов. Он родился в 1943—1945 годах в головах гитлеровских фюреров, обезумевших от сокрушительных ударов советских войск. План преследовал цель спасти германский империализм от полного краха, превратить западных союзников СССР по антигитлеровской коалиции в союзников германского империализма, столкнуть две великие державы — США и Советский Союз, в новой форме организовать поход на Восток.

¹ Правящая партия Аденауэра в Федеративной Республике Германии.

По тюремному коридору ходит часовой. Время от времени он открывает глазок камеры. Картина все та же. Геринг говорит торопливо, отрывисто: до виселицы остались считанные часы. Его защитник Вернер Бросс тщательно записывает:

— Придет время, когда нужно будет правительство... которое окажется в состоянии потребовать от народа жертв и вести его к новой войне. Это правительство должно быть в состоянии выразить притязания Германии... Чтобы существовать и дальше, наша минимальная цель — это восстановление наших границ 1937 года. Однако, возможно, возникнет необходимость расширить наши границы.

...Для Германии выбор между Востоком и Западом совершенно ясен. Или западные державы должны попытаться создать в трех западных зонах Германии такую экономическую систему, которая базировалась бы на единстве... или массы очень быстро повернутся к коммунизму... Война неизбежна, если западные державы попытаются связать между собой свои три зоны Германии с тем, чтобы превратить их в буферное государство против Советского Союза. Тогда им действительно понадобится личность достаточно сильная, чтобы сплотить немцев. Тогда они подумают обо мне, но, к сожалению, я буду уже мертв.

«Сильная личность» Геринг не был пророком. Просто он был неплохо осведомлен в отношении империалистических планов западных держав. Став одним из крупнейших промышленников Германии, Геринг получил представление о тех крепких нитях, которыми были связаны германские и американские монополии. Геринг знал по опыту предвоенных лет, что на Западе есть достаточно влиятельные круги, для которых враг номер один не германский империализм, а Советский Союз.

Запад не смог воспользоваться услугами Геринга: рейхсмаршал был слишком скомпрометирован. Самое большое, на что он мог рассчитывать, это на содействие в том, чтобы избежать позорной смерти на виселице. Он не ошибся. Амбула с ядом поступила вовремя.

Прогнозы Геринга оказались верными. Сразу же после войны германские монополии обратились за по-

мощью к своим заокеанским коллегам. Их обращение имело твердую основу, так как американский капитал был непосредственно заинтересован в спасении западно-германских монополий. Вместе с клубами дыма последних военных пожаров рассеялись и надежды американского капитала набросить на человечество свою петлю мирового господства. Советский Союз вышел из пепла войны невиданно сильным и мощным, а в цепи капиталистических государств Европы, напротив, обнаружились зияющие провалы.

Но не только «классовый нюх» побудил властителей Уолл-стрита перешагнуть через трупы своих соотечественников, павших в борьбе с гитлеровцами, и раскрыть объятия германским милитаристам. По данным комитета американского сената во главе с сенатором Килгором, к началу второй мировой войны в руках американцев находился основной пакет акций 289 германских фирм, а всего американские инвестиции в Германии превышали 1 миллиард марок. К тому же на американских биржах были в ходу ее долговые обязательства на сумму в 1,3 миллиарда марок. Все эти ценности могли быть потеряны, если бы политика денацификации и демократизации, согласованная в Потсдаме, была осуществлена и на западе Германии.

На Уолл-стрите пристально следили за сигналами «SOS», посылавшимися из Западной Германии. «Тузы» США сделали правильные прогнозы о том, что ликвидация власти крупных монополий в Западной Германии может вызвать цепную реакцию во всем капиталистическом мире. А раз так, надо вытащить из архива, благо он еще не успел заплесневеть, предвоенную политику натравливания германского империализма против Советского Союза и революционного движения в Европе.

Так вновь сомкнулся круг интересов германской монополистической группы, потерпевшей поражение, и американской, накопившей несметные богатства в войне и мечтавшей диктовать свою волю всему человечеству. «Победителю» нужен был побежденный, который бы готовил «освободительный поход» на «переднем крае», в центре Европы. Поэтому необходимо было поднять германский империализм на ноги, вдохнуть в него новые силы.

СПЕЦИАЛИСТЫ ПО СПАСЕНИЮ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА ЗА РАБОТОЙ

Что же случилось с коллегами Геринга из военной промышленности, с теми, ради чьих интересов вела войну гитлеровская Германия?

Немногим более чем через год после того, как Геринг нашептывал адвокату свое завещание, один из главных финансистов Гитлера — крупнейший германский монополист Фридрих Флик в другой тюрьме в кругу членов правления своего концерна обсуждал планы восстановления своего могущества. Было решено не теряя времени начать работу в области использования энергии атомного ядра. Так уже в первые послевоенные годы в стенах тюрьмы Лансберга обсуждался план включения германской индустрии в гонку ядерных вооружений.

Сборища в Лансберге строго охранялись американской разведкой. Лишь много лет спустя о них было сообщено официально в связи с пуском в Западной Германии первого атомного реактора.

Фридрих Флик был одним из немногих военных преступников, кто подвергся хотя бы этому символическому и весьма кратковременному заключению в тюрьму. Суд над ним — лишь дань общественному мнению, настаивавшему на осуждении виновников войны. Такой же данью было опубликование военным министерством США списка 1800 фюреров гитлеровской экономики. Список вместе с приказом генерала Маршалла «немедленно» арестовать всех перечисленных в нем лиц был широко разрекламирован в американской печати. Однако в действительности военные преступники от промышленности и банков остались на свободе. Когда был арестован, как активный член фашистской партии и правления Немецкого банка, первый германский промышленник Рихард Фрейденберг и ему предстояло предстать перед палатой по денацификации, из главной ставки американских вооруженных сил в Европе последовала команда: «Отпустить». Примечательна мотивировка: «Этот человек — исключительно способный промышленник, своего рода Генри Форд».

Спасение виновников войны от заслуженной кары приняло организованный характер. Когда американская сторона, вопреки четырехстороннему решению, передала

рассмотрение дел финансовых воротил — нацистов из рук союзнического трибунала в руки американских судов, генеральный секретарь объединения американских юристов, раскрывая суть этого решения, писал в 1946 году в газете «ПМ»: «В чем действительная причина того, что судья Джексон (главный американский обвинитель на процессе в Нюрнберге. — В. М.), поддержанный государственным секретарем США Бирнсом и военным министром США Патерсоном, предложил президенту Трумэну не проводить международных процессов банкиров-нацистов?.. Решение наших высших дипломатических и военных чиновников в этом вопросе можно понять как часть общего плана выбросить за борт Потсдамское соглашение о разоружении и денацификации Германии».

Решения о демократических преобразованиях, принятые по Потсдамскому соглашению, осуществлялись в Западной Германии в таком направлении, чтобы дискредитировать их. В первые послевоенные месяцы «меч правосудия», минувя фюреров, обрушился на десятки, сотни тысяч мелких попутчиков фашизма. Это было явным извращением согласованной политики. Потсдамским решениям был чужд дух мести. Напротив, они предполагали наказание прямых виновников войны и фашистских преступлений с тем, чтобы предотвратить возрождение агрессивных сил на немецкой земле. Недовольство и озлобление расправой над «мелкой рыбешкой» искусно направлялось против Потсдамских решений. Они представлялись как источник новых бед немецкого народа. Так создавалась психологическая база для нарушения Потсдамского соглашения по всем направлениям.

Подкоп под союзнические решения, принятые в Потсдаме, начался сразу же после их принятия. Американская политика в Германии вначале определялась секретной директивой за номером 1067. В ряде положений она была созвучна с Потсдамским соглашением. Однако и эта половинчатая директива была заморожена.

Уолл-стрит послал в Германию опытных специалистов по спасению германского империализма. Американским верховным комиссаром в Германию был направлен генерал Клей, который был тесно связан с нью-йоркскими финансистами и промышленниками.

Банкирский дом «Диллон, Рид энд К^о» направил в Германию шефом экономического отдела заместителя

председателя наблюдательного совета Дрейпера. Этот банк имел прямые интересы в Германии: в его руках была основная часть ее долговых обязательств.

Главный отдел по политическим вопросам возглавил Роберт Мерфи, известный еще со времен войны своими связями с вишистским адмиралом Дарланом и итальянскими фашистами. Конгрессмен от демократической партии Эмануэл Келлер прямо заявил на заседании американского конгресса: «Назначение Роберта Мерфи политическим советником в Германии приведет к сотрудничеству союзников с фашистами». Келлер, указав, что Мерфи будет опираться на фашистских промышленников и банкиров типа Шахта, призвал конгресс «остановить таких людей, как Мерфи, иначе демократия в Германии умрет еще прежде, чем родится».

Эта троица, практически проводившая американскую политику в Германии, действовала с первых дней отнюдь не в соответствии с Потсдамскими соглашениями и даже вопреки директиве 1067. В своих мемуарах Клей сообщает, что он был возмущен положениями этой директивы. «К счастью,— писал он,— применение их передавалось на усмотрение военного губернатора», то есть его, Клея.

В июле 1947 года в руках Клея оказалась новая директива — 1779. Из нее было вытравлено все, что могло «бросить тень» родства ее с Потсдамскими решениями. Так «юридически» был оформлен отказ от четырехсторонних союзнических решений в отношении Германии. Когда же в печать проникли сведения об этом и вызвали бурю возмущения, генерал Клей не моргнув глазом заявил: «Потсдамское соглашение полностью соответствует моим убеждениям».

Отныне «главная цель Уолл-стрита — восстановление монополистического капитала в Западной Германии, превращение ее в военный плацдарм и центр международной напряженности,— как свидетельствует в своей книге руководитель одного из отделов американской военной администрации в Германии Г. С. Велер,— полностью определяла американскую политику в Германии».

«Монополистическая буржуазия США,— говорится в Программе КПСС,— главный оплот международной реакции. Она взяла на себя роль «спасителя» капитализма».

«ИДЕАЛЬНАЯ ФИГУРА»

7 октября 1945 года в штаб-квартиру английского военного губернатора в Германии вошел старик в темно-сером пальто. Это был обербургомистр города Кельна Конрад Аденауэр. Офицеры штаба во главе с губернатором приняли его более чем холодно. Никто не встал, никто не предложил ему стул. Стоя, он выслушал приказ губернатора:

«По моему мнению, вы не выполняете своего долга по отношению к населению. С сегодняшнего дня вы увольняетесь с поста обербургомистра и должны покинуть Кельн ни в коем случае не позднее 14 октября.

Вы не будете ни прямо, ни косвенно заниматься какой-либо политической деятельностью. Если вы не последуете этим указаниям, военный трибунал возбудит против вас судебный процесс...»

Карьера Конрада Аденауэра, казалось бы, разбилась вдребезги. Но не забота о населении Кельна побудила английского губернатора действовать столь решительно. Приказ о запрещении заниматься политической деятельностью под страхом военного трибунала наводит на мысль, что главная причина изгнания Аденауэра из Кельна не его равнодушие к нуждам города, а его «политическая деятельность».

В чем она состояла? Накануне отставки и изгнания Аденауэра из родного города он в беседе с представительницей Ассошиэйтед Пресс Барбарой Пейдж так определил свое политическое кредо в отношении будущего Западной Германии: «Если создавать Рейнско-Рурское государство (сепаратное государство из западно-германских земель.— В. М.), необходимо присоединить к

нему области, расположенные к югу и северу от него, так как в противном случае есть опасность, что они при-
мкнут к русской зоне... Экономике этой части, особенно Рейнско-Рурского государства, следует сплести с экономикой Франции и Бельгии, дабы возникли общие экономические интересы».

Бургомистр Кельна, города, оккупированного англичанами, выступал за сплетение экономики Рейнско-Рурского бассейна, контролируемого теми же англичанами, с экономикой Франции и Бельгии. Аденауэр преждевременно вторгся в борьбу английских и французских монополий за влияние в Германии, за что и получил нагоняй. Однако он не был убран, ибо сделал ставку на сильнейшего. Для сильнейшего же, американских монополий, Конрад Аденауэр — весьма подходящая фигура.

Интересы германских монополий он всегда ставил выше интересов единства страны. Сразу после первой мировой войны, опираясь на связи с деловыми кругами Рейнско-Рурского промышленного бассейна, Аденауэр предпринял попытку создать сепаратное западногерманское государство. Он заслужил в то время у французского премьера Клемансо звание «руководителя движения сепаратистов». Немец с таким опытом был незамечен для тех, кто замышлял раскол Германии. К тому же он обладал неплохими связями с Уолл-стритом. Через свою жену, из известной банкирской семьи Цинссеров, Аденауэр был в родстве с американским юристом и банкиром Джоном Макклоем. Последний занимал после войны пост заместителя военного министра США, определял американскую политику в Германии. Связи были не только родственными. Еще до войны, в 1933 году, когда у Аденауэра возникли временные трудности с гитлеровцами, к нему, как рассказывает личный биограф канцлера Ваймар, «явился Д. Н. Хайнеман, известный американский промышленник:

— Я думаю, сейчас вы нуждаетесь в деньгах, герр Аденауэр. Я принес вам наличными десять тысяч марок. Знаю, что неплохо вложил эти деньги,— многозначительно заключил американец».

Он не ошибся.

Не ошиблись в нем и германские монополии. Через полтора месяца после разгрома фашизма Аденауэр в письме Эйзенхауэру заявил, что «уже пришло время»

смягчить меры против нацистов. Свои сепаратистские планы Аденауэр полностью подчинил идее восстановления могущества германских монополий, созданию западногерманского государства.

Дабы отвлечь внимание от того факта, что в рамках этого государства будет возрождена мощь извечных конкурентов — Франции и Англии, Аденауэр сменил националистические одежды на «европейские». «Я чувствую себя сегодня, — заявил он напыщенно, обращаясь к своим западноевропейским коллегам, — в первую очередь европейцем и лишь во вторую — немцем». Трюк удался. Аденауэр оказался идеальной фигурой для осуществления раскола Германии.

Патологический страх перед коммунизмом лишил западных союзников прозорливости. В Лондоне не видели, что Вашингтон и Париж поддерживают Бонн в надежде ослабить экономические и политические позиции Англии. В Париже тешили себя иллюзорной надеждой, что западногерманское государство — это лишь часть Германии и ее легко можно будет удержать под французским контролем. Если в Лондоне и Париже забыли тяжкий для своих стран опыт приручения германского империализма, то в Вашингтоне в послевоенном опьянении своей собственной мощью легкомысленно считали, что Бонн постоянно будет послушным проводником американских интересов. Там забыли, что имеют дело с самым свирепым претендентом на мировое господство, пролившим уже океан крови своего и других народов. Наивно и преступно думать, что хищник перестал быть таковым, если ему дважды обломали зубы.

Жизнь подтвердила положение Программы КПСС об усилении противоречий между главными империалистическими державами. «Восстановление экономики побежденных во второй мировой войне империалистических государств, — говорится в Программе, — приводит к возрождению старых и возникновению новых узлов империалистического соперничества и конфликтов».

ДЕНЬ «ИКС»

Пасмурным вечером 20 апреля 1948 года на бывшей гитлеровской авиационной базе Кассель-Ротвестен, окруженной колючей проволокой и сторожевыми вышками,

собралась группа крупнейших немецких финансистов во главе с банкиром Пффердменгесом. В то время, когда в залах заседаний Союзнического контрольного совета в Берлине представители западных держав клялись в верности принципу рассматривать Германию в период оккупации как экономически единое целое в областях путей сообщения, валюты и денежного обращения, промышленности, торговли и сельского хозяйства, в Кассель-Ротвестене под охраной американской полиции готовился план денежной реформы только для Западной Германии.

Советский Союз предпринимал решительные шаги, чтобы предотвратить экономический раскол Германии. Во имя сохранения единства страны он согласился на основные американские «предварительные условия» для проведения денежной реформы по всей Германии. Однако события, развернувшиеся позднее, показали, что «предварительные условия» были лишь маскировкой стремления западных держав расколоть Германию. Когда Советский Союз ответил на «предварительные условия» своим согласием, раскольников охватила паника.

«Мы попали впросак,— свидетельствовал тогда один из финансовых советников Клея.— Русские по всем пунктам сказали «да»; и нам будет дьявольски трудно выкрутиться из этого положения». Но машина раскольников была давно запущена. Еще в октябре 1947 года Клей, как он сам признает, обсуждал с Патерсоном (военным министром США) возможность сепаратной реформы и затем в том же месяце во время своей поездки на родину обеспечил полное сотрудничество министерства финансов США.

Таким образом, в Кассель-Ротвестене разрабатывались лишь детали. Господа, имевшие опыт финансирования гитлеровской войны, давно готовились к реформе, которая отсекала бы западную часть Германии от восточной, где демократические преобразования дали уже буйные всходы, и открыла бы полный простор для возрождения могущества германского империализма.

За два месяца, что ушли на подготовку сепаратной реформы, «бизония» уже стала «тризонией», то есть основой сепаратного западногерманского государства. Западные военные губернаторы генералы Клей, Роберт-